

ОБ ЭДУАРДЕ ТОПОЛЕ И ЕГО КНИГАХ

«Тополь пишет с таким знанием российской жизни, которого не могут достичь ни Ле Карре, ни Дейтон. Головокружительные тайники информации...» («Нью сосайети», Великобритания).

«Тополь использует вся и всё, что делает бестселлер, — убийство, интригу, секс, любовь, юмор — и, самое главное, не разочаровывает в конце...» («Бирмингем ньюс», США).

«Эдуард Тополь, по определению парижан, “самый крутой мастер современной прозы”» («Общая газета», Москва).

«“Красная площадь” — смесь реальности и авторской выдумки, написана в стиле типичного американского триллера в соединении с глубиной и сложностью русского романа» («Файнэншл таймс», Великобритания).

«“Русская семерка” — захватывающий триллер, любовный роман и панорама жизни современной России» («Нью сосайети», Великобритания).

«В “Красном газе” Эдуард Тополь превзошел свои предыдущие романы и выдал захватывающий триллер... Богатый набор характеров, полных человеческих страстей, мужества и надежд... С прекрасной сибирской натурой и замечательной главной героиней, это глубокая и волнующая история...» («Сёркус ревью», США).

«“Любимые и ненавистные”... — бездонное море удовольствия. Притом гарантированного...» («Известия», Москва).

«“У. е.” — наилучший из лучших триллеров Тополя. Супер!» (Сергей Юрьенен. Радио «Свобода»).

«Роман Тополя о “Норд-Осте” читать и горько, и тяжело, но отложить невозможно» («Версия», Москва).

«В романе «Бисмарк», как в поэзии, больше волнующих вопросов, переворачивающих твоё сознание, чем суждений на историческую тему... Романист владеет искусством ускорять сердцебиение читателя. От первого очарования княгиней Кэтти, а потом подсознательного и, может быть, реального чувственного вождения страдающего героя, Тополь страстно и умело делает читателя своим единомышленником» («МК», Москва).

«Читайте Тополя!» («Бильд», Германия).

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ, ЯПОНИИ И В РОССИИ.

Издательство АСТ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
ЭДУАРДА ТОПОЛЯ

- Красная площадь
Журналист для Брежнева
Чужое лицо
Красный газ
Кремлевская жена
Завтра в России
Любожид
Русская дива
Римский период, или Охота на вампира
Московский полет
Русская семерка
Охота за русской мафией
Убийца на экспорт
Китайский проезд
Женское время, или Война полов
Игра в кино
Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте»
У. е. Откровенный роман
Я хочу твою девушку
Свободный полет одинокой блондинки
Россия в постели
Новая Россия в постели
Невинная Настя, или Сто первых мужчин
Влюбленный Достоевский
Интимные связи
Настоящая любовь
Братство Маргариты
Любовь, пираты и...
На краю стою
Ты самая любимая
Рассказы для серьезных детей и несерьезных взрослых
Приключения паразитика
Еду я на осле
«Стрижи» на льду
В погоне за наваждением, или Наследники Стива Джобса
Бисмарк. Русская любовь железного канцлера
Элианна, подарок Бога
АСТРО. Любовник Кассиопеи
Лобное место. Роман с будущим
Упреждение (Лобное место-2)
18+, или Последний аргумент
Нескучный киносад
Летающий джаз
Когда мы были союзниками

ЭДУАРД ТОПОЛЬ

Когда мы были союзниками



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т58

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Тополь, Эдуард Владимирович.

Т58 Когда мы были союзниками : [роман] / Эдуард Тополь. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-17-102304-1

Осенью 1943 года США попросили Сталина разрешить тяжелым бомбардировщикам ВВС США пролетать над территорией СССР для бомбардировки целей в восточной Германии и на Балканах, чтобы им не возвращаться в Англию или Италию. В начале 1944 года СССР выделил для этого три летных поля в Полтаве, Миргороде и Пирятине. Немецкая авиация в ночь на 22 июня 1944 года нанесла удар по аэродромам Полтавы и Миргорода...

В книге Эдуарда Тополя рассказывается об операции «Фрэнтик» — уникальном случае размещения американских военных самолетов на территории СССР.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102304-1

© Э. Тополь, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

«И вспомнил он свою Полтаву...»

Александр Пушкин

«Хіба ревуть воли, як ясла повни...»

Панас Мірний

В Древней Руси февраль назывался «Лютень», и это название ему подходит куда больше, чем заимствованный из латыни *februarius mensis*. В ночь на второе февраля 1944 года в Москве было минус 32 по Цельсию, а в Подмоскowie и того холодней — минус 36! Даже огромные сосны сталинской дачи стояли, не шелохнувшись, боясь стряхнуть шапки снега, укрывающего их от лютого мороза. Висевшая в воздухе морозная пыль ледяными иголками колола ноздри охранников-«топтунов», которые с собаками обходили в ночной темноте большой двухэтажный дом, накрытый маскировочной сетью на случай прорыва немецких бомбардировщиков. Второй наряд двигался за соснами под самым забором — высоким и увенчанным колючей проволокой. А третий шел за этим забором снаружи, по широкой контрольно-следовой снежной полосе между «Объектом» и местным лесом. Одетые в овчинные полушубки, шапки-ушанки и вооруженные новенькими автоматами ППШ, эти рослые сибиряки, отобранные лично начальником сталинской охраны генералом Николаем Власиком, ступали осторожно, по-лыжному, почти не скрипя на снегу валенками — знали, что сегодня тот редкий случай, когда Сам ночует на даче, и на них лежит высочайшая ответственность за спокойный сон Вождя, который мудро и уверенно ведет нашу страну к победе над проклятыми фашистами.

Но Сталин не спал. Конечно, вся страна знала, что Великий никогда не спит, ведь свет в окне его кремлевского кабинета никогда не гаснет. Но охране, генералу Николаю Власику, истопникам и поварам этой дачи было видней — они были ближе к Вождю, видели, когда Он приезжает, и знали, что вожди тоже люди, им нужен отдых. И, чтобы не тревожить его бесценный сон, они старались не скрипеть обувью, не повышать голос и по возможности вообще не дышать.

Между тем Вождь не спал. В спальне на втором этаже — просторной, с высокими двойными окнами, отделанной карельской березой и согретой чугунными батареями парового отопления — Он, полуголый, удивительно щедушный и костлявый, сидел на краю широкой кровати и, потягивая воздух через пустую данхилловскую трубку, в лунном полусвете рассматривал спящую Веру Давыдову, приму Большого театра и свою главную любовницу. Поразительная женщина! Действительно *поразительная* с первого своего выхода в роли Кармен на сцене Большого театра в 1932 году! Как она пела, какое божественное меццо-сопрано! А как двигалась! У всех мужиков «в зобу дыханье сперло» и живот поджало, а в конце спектакля весь зал вскочил и взорвался аплодисментами! Молотов, Ворошилов, Буденный и Тухачевский, сидя со Сталиным в правительственной ложе, наперегонки погнали своих адъютантов за корзинами цветов. Но Он, Сталин, знал, что не нужно спешить, с *такими* женщинами нельзя спешить. Тем паче, скоро Новый год, Он пошлет ей приглашение в Кремль на банкет, посадит за стол рядом с собой и потом...

С тех пор уже десять лет она принадлежит ему. Да, хотя Он ни в грош не ставит баб, и помимо Давыдовой в спальнях его московских и крымских дач перебивали за эти годы и другие звезды Большого, которыми Он пытался перебить свою тягу к Давыдовой, но (как сама Давыдова вспоминает в мемуарах «За кремлевской стеной. Я была любовницей Сталина») всякий раз, когда ему

становилось неспособно от непосильной работы, усталости и злости на радикулит и ревматизм, Он звонил ей и посылал за ней машину или самолет. И вот она снова в его постели — красивая, нестареющая, с высокой грудью, стройными ногами и такая вкусная, что даже Он теряет над собой контроль и в свои шестьдесят пять превращается в пылкого мальчишку. К сожалению, очень ненадолго и совсем не так, как до войны, когда с любой бабой Он был таким неутомимым джигитом, что они задыхались под ним и со слезами просили прекратить его бешеную скачку. Да что вспоминать! Говоря словами расстрелянного еврея Бабея, Он «мог переспать с русской женщиной, и русская женщина оставалась им довольной». Но теперь... Теперь они его утомляли — все эти певички и балеринки. Ревностно демонстрируя свои сексуальные таланты, они мгновенно выжимали из него все соки и заставляли злиться на свою старческую немощь. И только эта Вера всегда чувствовала лимит его возможностей, идеально укладывалась в этот лимит и тут же убаготворенно засыпала. Но даже во сне от ее тела исходит такое мягкое, такое врачующее тепло, что только с ней ему не противно *после этого*, только возле нее Он может просто отдыхать, думать или даже не думать ни о чем. Может, жениться на ней? Но нет, Он не может жениться, Вера размягчит его, а Он не имеет права расслабляться больше, чем на одну ночь в два или даже в три месяца. Потому что на нем вся война. И разводка подковерных интриг так называемых «сталинских соколов» — Берии, Молотова, Ворошилова, Буденного, Кагановича. И еще изнурительная «дружба» и переписка с Рузвельтом и Черчиллем. Союзники, хреновы! Третий год тянут с открытием Второго фронта, откладывают с весны на осень, а теперь вот с осени на весну. Ждут, когда Он вычерпает последние резервы страны, и Красная армия выдохнется так, что уже не в силах будет оккупировать Европу. Вот тогда они, конечно, и ринутся в нее с юга через Италию и с запада через Ла-Манш.

И ничем их не проймешь, сволочей, даже угрозой его сепаратного мира с Гитлером, слухи о котором Он распространил через свою европейскую агентуру.

Ладно, не стоит злиться, не для того Он вызвал красавицу Веру. Сегодня Он сыграет Сталина-добряка и бросит союзникам кость, чтобы не было у них никакого предлога снова отложить открытие Второго фронта. Вера Давыдова, ее тепло, ее податливая мягкость согрели его так, что даже ревматизм и радикулит подевались куда-то, забылись, что ли? Как хорошо, что она есть — теплая, как парное молоко, сладкая, как горный мед, и пьянящая, как его любимое грузинское вино «Телиани». Да, сегодня Он бросит Рузвельту кость... И, кажется, эта кость будет называться — Полтава...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛТАВА

1

Если на монитор вашего компьютера поместить карту Европы и оживить ее событиями Второй мировой войны, то легко увидеть, что от Нормандии и Англии на западе до Волги и Каспия на востоке она была вся в огне непрерывных бомбежек, пожаров, взрывов и кровопролитных танковых, артиллерийских и людских сражений. Миллионы тонн авиационных бомб, пушечных снарядов, мин и вообще всего, что могло взрывать и стрелять, перепахали цветущие поля, сады, города и деревни Чехии, Венгрии, Франции, Англии, Югославии, Германии, Румынии, Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики и европейской части России. А в Азии японцы бомбили Бирму и Китай. А в Африке итальянцы и немцы сражались с французами и англичанами за Кению, Судан, Сомали и Мадагаскар... За всю историю нашей планеты еще никогда ее тело не кромсали, не взрывали и не пытали так, как с 1939 по 1945 год. Восемьдесят процентов населения Земли, больше шестидесяти стран принимали участие в этой войне, в сорока из них шли бои, и те, кто выжили в этом аду площадью в 22 миллиона квадратных километров, знали, что им немислимо повезло. Но... Даже тогда, когда танки, штыки и пулеметы отодвигали от них огненный смерч фронтового ада и непривычная тишина воцарялась над клочком их освобожденной земли, даже тогда нужно было второе чудо, чтобы еще раз выжить на этой убитой земле —

искромсанной, заваленной руинами и трупами людей и животных.

В апреле 1944 года тридцатитрехлетняя Мария, мать Оксаны, поняла, что с ней случилось это второе чудо. Нет, не второе — двадцатое, сотое! А самое первое было давно, в другой жизни, аж до войны, в 1928 году.

Тогда, накануне голодомора, в украинском хуторе Горбовка, что под Полтавой, Мария родила Оксану. Она родила ее чудом и на два месяца раньше срока — просто скинула, когда топтала кизяк, — крошечную, весом меньше двух килограммов. Но — живую! И почти тут же в их судьбу вмешался Иосиф Сталин, которого Мария не знала — он жил где-то далеко-далеко, в России, в Москве. Да, это просто удивительно, как один человек откуда-то издали, из какого-то Кремля, может изменять жизнь людей, которых он не знает, никогда не видел и не увидит. В 1928 году Сталин приказал «ликвидировать как класс» всех так называемых кулаков — зажиточных крестьян, имевших свое собственное хозяйство. И буквально через два месяца после рождения Оксаны к ним на хутор ворвались вооруженные энкавэдэшники. Они разбили иконы, вычистили все домашние запасы еды и два погреба с продуктами, разгромили и хлев, и курятник, забрали весь инвентарь вплоть до последней косы и реквизировали всю живность — трех лошадей, двух коров, свиноматку с поросятами и даже петуха с курами и цыплятами. А мужа Марии, двадцатилетнего Васыля, вместе с его пятидесятипятилетним отцом раздели до исподнего и пехом погнали в Полтаву, в пересыльную тюрьму — тогда, в 1928-м, Сталин, еще не войдя во вкус Большого Террора, «скромно» приказал отправить в трудовые лагеря «всего» 60 000 кулаков. Изъятую у них пшеницу он продавал за рубеж, а на полученную валюту закупал американские грузовики и другую технику для индустриализации — строительства Днепрогэса, Сибирской железной дороги и прочих

«сталинских строек», возводимых трудом арестованных. Эту трудовую армию зэков и должны были пополнить раскулаченные горбовские хуторяне. Только не довели их до Полтавского пересыльного пункта — ночью тридцать шесть арестантов разоружили охрану и рванули в лес. Но утром были окружены энкавэдэшниками и гэпэушниками и расстреляны.

Так по воле Сталина новорожденная Оксана лишилась отца и деда. А Марию с дочкой и сорокапятилетней свекровью уплотнили, к ним на хутор подселили две семьи многодетных бедняков-колхозников. И теперь у них во дворе вместо кур, гусей и поросят копошились в пыли и грязи семеро малышей с распухшими от голода животами. А их отцы не столько работали в колхозе, сколько воровали с полей свеклу да капусту и гнали из ворованной свеклы самогон, а потом спьяну лезли под юбки к Марии и к ее свекрови. Поначалу Мария и бабушка Оксаны отбивались от недолюдков, как могли, но в конце концов один из них все-таки справился с отощавшей свекровью, завалил ее в сарае, а когда сделал свое дело и встал, женщина уже не дышала. Но он и от этого не протрезвел, а зашел в комнату к Марии, которая, трясаясь от страха, сидела с ребенком, и сказал:

— Пиди у сарай. Здається, упек я твою свекру. Чо зэньки лупішь? Чи не будеш давати, і тебе упечем з кумом на пару.

Убедившись, что свекровь мертва, Мария схватила крошку Оксану, привязала хустиной себе за спину и ушла с горбовского хутора в Полтаву, к своей матери. Хотя от Горбовки до Полтавы аж шестьдесят километров, но идти по дороге Мария боялась, лесами обогнула Жарки, Санжары и Зачепиловку и — босая — шла до Полтавы трое суток. Питалась июньскими лесными ягодами, кореньями и мхом. Голодная Оксана скулила за спиной, а когда Мария совала ей в рот свои тощие сиси, дочка сначала жадно сосала и даже больно щемила их беззубыми деснами, а потом принималась плакать — сиси

были пусты. Голыми руками Мария выкапывала коренья репейника и крапивы, мыла их в лесном ручье, жевала до мякоти, но не глотала, а эту жеваную, со своей слюной, мякоть совала дочке в рот. Оксанка удивленно смотрела на мать круглыми, как пуговики, глазками, но все же сосала и так засыпала. Мария снова заворачивала ее в застиранную хустину, через плечи завязывала концы крест-накрест на груди и по лесным тропинкам шла дальше. Сквозь редкий подлесок ей открывалась горестная картина. Всего три года назад, когда на собственной бричке, запряженной фыркающей молодой кобылой, Васыль вез ее, пятнадцатилетнюю невесту, из Полтавы на свой горбовский хутор, они ехали мимо бескрайних урожайных полей — золотая, высокая и готовая к жатве пшеница, чубатая и мощная, ростом в три метра, кукуруза, желтые и тяжелые от спелых семечек головы подсолнечника. Красивые, крашенные белой с синевой известью хаты с соломенными и камышовыми крышами и зелеными ставнями стояли живописными хуторами в тени высоких серебристых тополей, яблоневых и вишневых садов. Густыми ветвями деревья пышно выпирали над тынами, а над всем этим кипеньем жирного полтавского чернозема деловито гудели медоносные пчелы. На холмах высились церкви с зелеными или даже золотыми куполами. А когда молодожены въезжали в малые и большие села, Васыль то и дело натягивал поводья — неторопливые семьи тяжелых гусей и уток, тучные свиноматки с поросятами, сварливые куры и индюшки с индюшатами, словно наглые цыгане с цыганами, перегораживали дорогу.

Но теперь ничего этого не было и в помине — кому это все мешало? В обнищавших деревнях возле облупившихся и давно некрашенных хат не было ни сараев, ни амбаров, ни хлевов, их снесли на стройматериалы для колхозных построек. Церкви или порушили, или превратили в загаженные склады колхозного инвентаря. В полях чахлую пшеницу забивает бурьян и хмель.